

Е. А. Ермолин

Русское историческое краеведение как инстанция культурной памяти: история и миф

В России историческая память издавна осложнена местным историческим мифотворчеством, не преодоленным и поныне. Историческое краеведение в империи – это очевидная альтернатива «большой», имперской истории. Местная историография в российской провинции возникает с середины XVIII в., в контексте екатерининских реформ, на волне пробудившейся общественной инициативы. Однако авторские подходы далеко не всегда ориентированы на историческую точность, да и не всегда умеют извлекать ее из потемок былого. В сознании историка-краеведа совершается разрешение коллизии между идеями земли и империи, ценностями местного мира – и огромного государства. Краевед обычно преследует и воспитательно-образовательную цель, усваивает себе просветительскую миссию. Повествователь является и очевидцем, и историком, и моралистом. Этот синтетизм приводил к диковинным комбинациям фактов и мифов, к очень специфическому пониманию исторических данностей. Сегодня в ситуации культурного плюрализма с кризисными акцентами, драматического исчерпания имперского миссионизма в региональной культурной памяти краеведы ищут дополнительное средство культурно-исторической самоидентификации.

Ключевые слова: история русской памяти, историческое краеведение, местное историческое мифотворчество, развитие краеведческой методологии.

Е. А. Ermolin

Russian Local History as an Instance of Cultural Memory: History and Myth

In Russia historical memory has been complicated by local historical myth-making, which has not been overcome up to this day. Local history in the Empire is an obvious alternative to "big" Imperial history. Local historiography in the Russian province occurred in the middle of the eighteenth century, in the context of Catherine's reforms, on the wave of awakening of the public initiative. However, the author's approaches are not always focused on historical accuracy, but they do not always know how to extract it from the darkness of the past. In the mind of the local historians there is resolution of the conflict between the ideas of the earth and the Empire, the local values of the world – and a huge state. Local historian usually pursues an educational purpose, assimilates educational mission. The narrator is an eyewitness, and historian, and moralist. This synthesis caused strange combinations of facts and myths, and very specific understanding of the historical realities. Nowadays, in the situation of cultural pluralism with crisis accents, dramatic exhaustion of imperial missionism in regional cultural memory the local historians are looking for an additional means of cultural and historical self-identification.

Keywords: history of Russian memory, local history, local historical myth-making, development of local history methodology.

Историческим краеведением сегодня обычно называют изучение и изложение региональной, локальной, провинциальной истории. Фокус такого краеведческого исследования – местная история. Оно начинается, когда возникает простейшее стремление: описать конкретное место обитания в аспекте памяти о его прошлом. Краеведческие исследования создают пространство памяти, локализованной границами того или иного региона (губернии/области/края, уезда/района, города, поселения).

В России историческая память издавна осложнена местным историческим мифотворчеством, зародившимся в романтическом контексте или даже ранее, но так и не преодоленном даже поныне. Применительно к местному материалу этот мифотворческий соблазн уместно было бы назвать *артыновщиной*, по имени Александра Артынова, – увлеченного ростовского фальсификатора старины [14; 15]. Возможно, понятие «краеведение» имеет в некоторых кругах дурную репутацию именно по причине таких выдумщи-

ков, как Артынов. Хотя само оно появилось только в начале XX в., до той поры его заменяли, а после того с ним сосуществовали также понятия «родиноведение», «отечествоведение», «отчизноведение».

Историческое краеведение в империи – это очевидный противовес «большой», имперской истории, трактующей прошлое с точки зрения государственного, династического, державного интереса или, по крайней мере, задающей глобальный масштаб при выявлении исторических процессов и значимых событий. Единая имперская история редко сочетается с местными традициями и почти не учитывает того, что происходило в регионах с подчас богатейшим прошлым, с древней памятью. Российская государственность склонна была скорее сглаживать различия между регионами и не нуждалась в фиксации местного своеобразия. Эта местная память вымывается, уходит.

Указами Петра I о наблюдении и сборе информации о природных, археологических и исключительных исторических фактах, о *диковинных древностях* был обозначен государственный подход к историко-краеведческим изысканиям. Но это явно имперский проект, задание представить изобилие жизни в стране как некое ее достоинство в контексте барокко. И далее в XVIII в. краеведение в России обычно существует еще как институция государственного профиля. В эпоху Екатерины II государство обнаружило интерес к познанию страны, ее характера, ее богатств и возможностей. Инициатором изучения регионов были государственные инстанции, организовавшие составление историко-географических и хозяйственных описаний края. Рассылаются правительством анкеты, на местах описанием занимаются преимущественно чиновники. Скажем, в Ярославле впервые такая работа развернулась под руководством наместника А. П. Мельгунова в 1777–1779 гг. Топографические описания края по специальным анкетам составлялись служащими канцелярии наместника. Это типичная ситуация; нетипично в данном случае, что по мере сбора и обобщения материала историко-географические очерки городов, сведения о наместничестве печатались в местном журнале «Уединенный пошехонец».

Однако в целом далеко в сторону воссоздания местной исторической памяти этот интерес не шел. А между тем параллельно развивается и неофициальная история, авторское местное историописание. Местная постлетописная историо-

графия в русских провинциях возникает с середины XVIII в. в контексте екатерининских реформ на волне пробудившейся общественной инициативы в российской провинции. Сугубая централизация власти в России не создавала естественных предпосылок для развития регионального самоосознания и самоопределения. Самотеклом возникает культурное движение. В некоторых городах в результате разнообразной культурной деятельности складываются местные культурные гнезда. Однако авторские подходы далеко не всегда ориентированы на историческую точность, не всегда умеют извлекать ее из потемок былого.

Скажем, еще в XVIII в. просвещенные иереи собирают сведения о местной церковной и общей истории. В Ярославле церковно-историческая часть топографических описаний составлялась под руководством архиепископа Самуила (Миславского), при его участии записывались сказания о построении града Ярославля, о построении Вознесенской деревянной церкви в Ярославле, о Борисоглебской слободе, о ярославской Спасо-Пробоинской церкви. Именно этим трудам Самуила мы обязаны легендой об основании Ярославля и о поединке князя Ярослава с медведицей, предметно-историческое содержание которой навсегда останется вопросом, открытым для обсуждения.

Любители старины самозабвенно посвящают себя краеведческой работе, сбору материалов по истории края, местным легендам о создании городов, основании храмов, о церковных реликвиях, святых подвижниках.

В начале XIX в. составление описаний производится как официальным образом для учета государственных ресурсов и возможностей, так и по частной инициативе. Известны, например, описания Рыбинска 1802–1810 гг., составленное уездным землемером Д. М. Аладыным, и 1811 г. – неизвестного автора (по публикации Давида Золотарева, 1910). Но инициативу у государства мало-помалу перехватывает общество. Запросы государства оказались локальными и слишком прикладными, прагматическими, чтобы ими удовлетвориться (хотя и во второй половине госзаказ на изучение старообрядчества приводит к появлению исследований о нем, напр., записки Ивана Аксакова). А на местах возникает любопытство, желание очертить своеобразие местной жизни.

В сознании историка-краеведа совершается разрешение коллизии между идеями земли и им-

перии, ценностями местного мира – и огромного государства. Краевед обычно преследует и воспитательно-образовательную цель, усваивает себе просветительскую миссию. Краеведение учит: «учит людей, – писал, к примеру, Д. С. Лихачев, – не только любить свои родные места, но и дает знания о них, приучает интересоваться историей, искусством, литературой, повышать свой культурный уровень» [7, с. 7]. Уже в начале XX в. краеведческие сочинения появляются с учетом использования их в учебном процессе и в связи с развитием экскурсионного дела. Так, Петр Критский создал книгу образовательного предназначения «Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения» (1907).

Повествователь является и очевидцем, и историком, и моралистом. Он вдохновляется тем, что С. О. Шмидт назвал *краелюбием*. Этот синтезм приводил к диковинным комбинациям фактов и мифов, к очень специфическому пониманию исторических данностей.

Историк-краевед уходит от средневековой анонимности. Это часто рельефно очерченная личность со своими взглядами и интересами. Он пытается совершить авторское осмысление события, факта, процесса. В принципе он преследует истину, но понимает ее по-своему и (по крайней мере с того момента, как в России возникают предромантические веяния) не всегда следует модели получения объективированного, документально удостоверенного знания.

Одно дело – Петр Иванович Рычков, автор едва ли не первой в России печатной провинциальной истории («Топография Оренбургская», 1762) и его поколение краеведов (В. В. Крестинин и А. И. Фомин (Архангельск), А. А. Засецкий (Вологда), Н. С. Сумароков (Кострома), митрополит Евгений (Болховитинов) (Воронеж, Новгород, Псков), В. А. Левшин (Тула). О Рычкове показателен отзыв Пушкина: «Трудолюбивый Рычков <...> оставил любопытную рукопись о сем времени. Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной, которые составляют неопределимое достоинство ученых людей того времени» [11, с. 389–390]. Уже во 2-й пол. XVIII в. в европейской России А. А. Севастьянова выявила более 100 провинциальных краеведческих сочинений, из них почти половина – авторские работы [13, с. 11]. Посадские люди и местные священнослужители ведут градские хроники в Великом Устюге, Соликамске и Нижнем Новгороде, в Вятке, Суздале и Вологде. Так, в

последней трети XVIII в. был составлен «Угличский летописец»: продолжение градских летописей, хроника жизни города.

...И другое дело – романтические сочинители истории, откровенные мифотворцы, вроде Павла Львова [8], или тенденциозные интерпретаторы, как Вадим Лествицын или Леонид Трефолов в Ярославле.

Характерны сфера интересов краеведа и круг источников, которые привлекает провинциальный историк. С одной стороны, он сосредоточен на местном материале и идет от частного к общему – и не всегда доходит. Конкретные явления, памятник, достопримечательность властно приковывают его внимание и редко отпускают. Но эта привязанность к конкретике сочетается у него, с другой стороны, с широтой обзора сфер жизни. Он разнообразно понимает свой предмет, наделяет смыслом вещи и явления в широком диапазоне. В поле внимания краеведа попадают событийная история, человек в его индивидуальных чертах, быт, нравы, фольклор, искусство, экономика (коммерция, мануфактуры, ремесла, промыслы), специфика местного управления, природные особенности, климат, качества ландшафта...

Краевед входит в связь с актуальными идеями эпохи, с новыми теориями и мыслями, опирается на авторитетные труды, общается со своими современниками. И это находит отражение в его сочинениях. Притом эпоха отличается динамикой, идеи и взгляды краеведов так или иначе отражают процессы смены веков. Установки конкретного автора редко последовательны. В итоге сначала происходит переплетение новых подходов с прежними, которые черпаются в сказаниях, в агиографической литературе, в апокрифах, в ранних летописях, а потом краевед опирается и на труды своих предшественников, на грандиозные исторические конструкции Карамзина, Соловьева, Ключевского, а подчас и на историософские размышления...

Новая фигура второй половины XIX в. – местный историк, способный выдвигать и обосновывать гипотезы. Таков редактор официальной части «Ярославских губернских ведомостей» Вадим Лествицын. Исследовательский темперамент заводил Лествицына в дебри рискованных и необоснованных утверждений, продиктованных патриотическими намерениями. Он борется с норманизмом, создавая культурный миф о «народе Русь» и его государстве на берегах Волги [6].

Другой тип местного историка второй половины XIX в. – автор с идеями, со стремлением дать новую оценку прошлому, продиктованную прогрессивными взглядами. Таков, например, краевед, журналист и поэт Леонид Трефолев. Его краеведческие статьи обладают, как правило, оригинальным, практически уникальным качеством, которого лишены работы его предшественников и современников. Внимание автора приковано главным образом к XVIII в. и к началу XIX в. Это было связано как с тем, что именно данный период наиболее полно был документирован в архивах, так и с сугубым интересом Трефолева к относительно новой истории России, в которой он искал и находил актуальные проблемные узлы по тематике русской свободы. В местную историю Трефолев – гуманист и демократ – одним из первых привнес общий смысл, определяемый характером его личного мирозерцания. Трефолев начал соотносить исторический факт со своим мирозерцанием и попытался посмотреть на историю осознанно, как на проблему, как на место конфликтного противоборства, как на драму и комедию. Особенности работы Трефолева с документом являются публицистическое осмысление исторического факта, весьма свободная интерпретация содержания публикуемых сведений с позиций интеллигента-демократа и критика общественных пороков. В своей работе он отказался как от сугубого эмпиризма, так и от апологетической «патриотической» тенденциозности. Он не оправдывает факт истории только на том основании, что факт этот имел место быть, и не отбирает в истории выигранные для местного самолюбия сюжеты.

Чертой исследовательского вкуса Трефолева является интерес к личности в истории, – и к рядовому, частному человеку (в том числе к «жертве истории»), и к видному деятелю, но всегда в проблемном освещении.

Свобода в выборе предмета исследования способствовала тому, что Трефолев одним из первых обратился к истории местного старообрядчества. Ему принадлежит очерк 1866 г. о странниках (бегунах), открывший в печати тему старообрядчества, новые исследования о котором появляются в основном только в конце XIX – начале XX в. [см.: 4, с. 16–19].

Во второй половине XIX в. А. П. Щапов попытался найти место изучению местной истории в имперском контексте. В своей *теории общности* он утверждал, что русская история есть

история областей. В имперской России такое утверждение звучало парадоксально, даже революционно. В нем было напоминание о том, что Россия не всегда была империей, и предположение, что не всегда ею будет. Дискриминированная имперским контекстом местная история в теории Щапова отказалась признать свою заведомую несущественность, второсортность. Бессмысленное пространство, бессмысленные вещи становились вдруг осмысленными.

Щапов предпринял попытку осмыслить предмет местного историка и придать ему специфическую ценность, акцентируя «коренное, непреходящее, только внутренне видоизменяющееся начало» [21, с. 580]. Он исходит из того, что в провинции есть своя, самобытная жизнь, и в ней более, нежели в столицах, осязаемы константы, традиции, процессы большой длительности.

По сути, Щапов отчасти обобщил реальный опыт местных историков. Некоторые из них сосредоточились на том, что позже будет названо «долгой историей», фиксируя статические элементы быта, мирозерцания, излагая историю повседневности.

Характерны в связи с этим описания городов, которые будут производиться краеведами на протяжении всего XIX в., да и позднее. Авторские очерки городов – это обычно синтез исторических сведений и топографического описания местности, иногда с этнографическими подробностями. Так, за полвека появились три авторских истории города Ярославля. Автор первой опубликованной «Истории губернского города Ярославля» (1853) – протоиерей Иоанн Троицкий, он писал очерки и о других городах. Плодовитый краевед Константин Головщиков в конце 1880-х и 1890-х гг. составил обзорные историко-этнографические очерки городов края, включая одну из лучших книг о Ярославле – «Историю города Ярославля» (1889). Другой обзор истории и культуры губернского центра, «Исторический очерк города Ярославля» Ивана Барщевского, был опубликован в 1900 г. В 1837 г. протоиерей Матвей Гомилевский издает в Петербурге «Описание г. Рыбинска», а в 1844 г. в Ярославле выходит «История Углича» Федора Кисселя. Первая книга о Ростове и Ростовском уезде вышла в 1859 г. в Москве, ее автор – ростовский купец Иван Хранилов. Кое-где краеведы спохватились довольно поздно. Так, только в 1913 г. выходит первая книга о старине и святынях Романова-Борисоглебска, написанная Н. Теляковским.

В первой половине XIX в., когда интерес к местной истории часто развивался в контексте романтических идеалов и устремлений, это стимулировало обращение к «истокам», к начальным временам с их тайнами и загадками. Пробуждается и интерес к народной жизни. Купец Семен Серебренников в 1830-х гг. положил начало изучению ярославской народной бытовой обрядности статьей о свадебных обрядах. Тогда это было в новинку. Но в 1840-е и более поздние годы в разных регионах появляется огромное количество сочинений, посвященных местным обычаям, реликтам старины, свадебному ритуалу.

Во второй половине XIX в. авторами, получившими соответствующее постепенно вырабатываемому образовательному стандарту образование, в краеведческие исследования привносятся критерии точного знания, разработанные тогдашней университетской наукой. В Ярославле первопроходцем на этом пути был К. Д. Ушинский [см.: 3].

Общественные перемены в конце 1850-х гг. сделали доступными архивы государственных ведомств. Различные ведомственные архивы (губернского правления, казенной палаты, контрольной палаты и др.) хранили документальные материалы, которые отражали многообразную жизнь края за несколько веков. Появилась возможность не просто иллюстрировать те или иные черты местной истории, но изучать целые комплексы документов, обращаться к сюжетам из недавней истории. К краеведческой работе подключились новые силы. Появляются историки, которые обращаются к разным предметам (например, к генеалогии дворянства, к археологическим находкам), осваивают различные источники и технологии работы с ними (в том числе с устной памятью). Это новый уровень профессионализма.

Впервые в начале XX в. на местах возникает и методологическая критика, выдвигающая требование точности, верности факту, проверки сведений, доказательности версий. Язвительным зоилом в Ярославле был Порфирий Мизинов, осуществлявший пуристские критические разборы сочинений своих коллег.

С 1882 г. систематически и в огромном количестве появляются в печати краеведческие работы в немалом тематическом и проблемном диапазоне, принадлежащие ростовскому купцу Андрею Титову, крупнейшему знатоку предмета, собирателю книг и рукописей, беспредельно увлеченному стариной и не жалевшему сил и средств на ее

изучение и на публикаторскую деятельность. Краеведческую работу Титов последовательно вел вплоть до своей смерти в 1911 г. [см.: 16].

Однако поиск смысла в истории, концептуальное ее видение далеко не всегда оказываются осознанной задачей даже у крупнейших из краеведов конца XIX – начала XX в. Нередко мы находим в краеведческих (в том числе и в этнографических) работах самодостаточный интерес к факту как таковому, причем позитивистский пафос голого факта в принципе исключает его осмысление, попытки придать ему духовную значимость. Это было связано и с небогатым кругозором авторов, и с верностью их устойчивой традиции публикаторства. Этим страдают даже лучшие краеведческие работы.

До некоторой степени упорядочили и стандартизировали работу историка-краеведа общественные процессы в конце XIX – начале XX в. Расцвет краеведения в это время связан с земским движением. Краеведение самоопределяется как движущая сила местного, низового гражданского общества, как инструмент регионального, местного, областного, городского самосознания и средство объединения культурных деятелей и развития стимулов местного патриотизма. Земства часто создавали музеи разного профиля (естественно-исторические, кустарные, древностей и др.), научно-справочные библиотеки. Создаются губернские статистические комитеты, общества любителей естествознания. В 1872 г. появилось первое в тот момент краеведческое общество в России, Петровское общество исследователей Астраханского края. Стремление к объединению усилий привело к созданию 39 губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). Активно участвовали в них местная профессура, журналисты, учителя, врачи, просвещенные купцы и промышленники-меценаты. Научная и просветительская деятельность ГУАК сыграла огромную историко-культурную роль. Комиссии создавались прежде всего для собирания и приведения в порядок архивных дел и документов (нередко архивные документы из-за непрофессионализма хранителей подвергались бесконтрольному уничтожению). Члены ГУАК собирали и изучали материалы по истории губернских центров, уездных городов, местных учреждений, монастырей, церквей. Проводились раскопки, сбор археологических, этнографических предметов, биографических сведений, коллекционирование произведений фольклора. Регулярно собирались археологические съезды. Создавались

музеи и библиотеки. Созданные комиссиями архивы и музеи явились основой нынешних областных архивных хранилищ и музеев. Члены ГУАК проводили обследование памятников и контролировали ход реставрационных работ. ГУАК обычно издавали свои труды. В трудах ГУАК публиковались документы и исследования по истории края, мемуарные источники, протоколы заседаний и отчеты комиссии.

На рубеже XIX–XX вв. в России появились местные историки крупного масштаба: А. А. Титов в Ростове Великом, А. С. Гацисский в Нижнем Новгороде, И. И. Дубасов в Тамбове, А. К. Жизневский в Твери, В. Н. Поливанов в Симбирске, Н. Н. Селифонтов в Костроме, А. В. Смирнов во Владимире, С. Д. Яхонтов в Рязани, Н. Г. Первухин, И. А. Вахрамеев, И. А. Тихомиров в Ярославле, сибиряки Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев. Даже краткий обзор показывает разнообразие личностных ориентиров краеведов.

Тамбовец Иван Дубасов, преподавая в Екатерининском учительском институте, а затем и руководя им, многие годы изучал историю края, исследовал археологические памятники Тамбовской губернии. На основе архивных данных и сведений из летописей Дубасов написал шесть книг «Очерков из истории Тамбовского края». Дубасов руководил работой Тамбовской ученой архивной комиссии. Итог его научной деятельности подводят более 130 статей, рефератов, книг.

Александр Гацисский из Нижнего Новгорода – краевед-журналист и земский деятель. Литературную деятельность он начал в «Искре» В. Курочкина, с 1862 г. состоял редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей»; в следующем году берет на себя редактирование «Нижегородского Ярмарочного Листка» и с 1872 г. принимает деятельнейшее участие в первой либеральной газете Поволжья, «Камско-Волжской Газете». За самоотверженную работу он получил неофициальный титул *пионера провинциальной печати*. В качестве гласного земства, заместителя председателя губернской земской управы, гласного городской думы, члена училищного совета Гацисский принимал деятельное участие в разных отраслях земского и городского хозяйства. С 1865 г. до кончины состоял секретарем губернского статистического комитета и с 1887 г. председателем губернской ученой архивной комиссии. Гацисскому принадлежат работы по исследованию

нижегородского края в экономическом, бытовом и археологическом отношении. Большая часть их помещена в издававшемся им «Нижегородском сборнике» (10 томов, Нижний Новгород, 1867–1891). Изучал Гацисский историю местного театра, биографии «людей нижегородского Поволжья» [см.: 12].

Август Жизневский – управляющий Тверской казенной палатой, администратор, общественный деятель, археолог, основатель Тверского музея. Организовал тверскую архивную комиссию. Его труды – «Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря», «Описание Тверского музея».

Сибирские краеведы Григорий Потанин и Николай Ядринцев – ученые с большим общественным темпераментом, искавшие особое место Сибири в социально-политическом и культурном аспектах, принадлежали к общественно-политическому течению сибирских областников. За свою «сепаратистскую» деятельность они в 1865 г. были арестованы по делу, названному сибирской администрацией «делом об отделении Сибири от России и образовании республики, подобно Соединенным Штатам», несколько лет провели в заключении и в ссылке.

Потанин – географ, этнограф, публицист и фольклорист. Он участвовал в нескольких экспедициях, в результате которых были получены обширные сведения по географии неизученных областей Центральной Азии, собраны гербарий и зоологические коллекции. Потанин собрал материалы по культуре, быту и народному творчеству тюркских и монгольских народов, а также тангутов, китайцев и др. Его работы содержат и материал об эпосе тюркских и монгольских народов.

Ядринцев – яркий публицист, использовавший свой арестантский опыт для обоснования гуманизации тюремных порядков в книге «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872). Он сотрудничает в газетах, заявив себя правозащитником, горячим противником централистов. После восстановления в правах в 1873 г. Ядринцев поступил секретарем к графу В. Соллогубу, председателю комиссии по устройству тюрем, затем он в управлении западносибирского генерал-губернатора энергично работал по крестьянскому, инородческому и другим местным вопросам. Ядринцев совершил экспедиции на Алтай для изучения колонизационного движения и этнографических и экономических исследований и к инородцам Томской губернии. В

1882 г., к 300-летию присоединения Сибири, он выпустил капитальный труд «Сибирь как колония». Автор ратовал за замену исконной административной опеки широкой общественной самостоятельностью. Тогда же он основал в Санкт-Петербурге газету «Восточное Обозрение», сибирский орган в столице. В 1889 г. в поездке к верховьям реки Орхона Ядринцев установил место столицы древней монгольской империи Каракорума. В дальнейшем боролся за права сибирских инородцев и здоровое решение переселенческого вопроса путем полной свободы переселений и широкой помощи переселяющимся, энергично работал в обществе для вспомоществования нуждающимся переселенцам.

Значительные труды принадлежат ярославцу Илариону Тихомирову. Эта фигура в высшей степени характерна как выражение типа провинциального историка начала XX в. Уже в детстве Тихомиров ведет записи о климате и погоде края, составляет списки населенных пунктов, озер, рек, перечни почв, промыслов, каталоги флоры и фауны. На протяжении всей жизни он отмечает прилет и отлет птиц, цветение деревьев и цветов. Он погружается в историю и археологию края, изучая книги и статьи, ведя записи, поступает, наконец, архивариусом в ГУАК, где и служит несколько десятилетий – хранителем музея, библиотекарем. На службе Тихомиров описал и скопировал некоторые источники по местной истории, оригиналы которых были утрачены. Он участвует в археологических и этнографических исследованиях, в движении выявления и охраны памятников, которое зарождается в недрах ГУАК, едва ли не жертвенно борется за прошлое в эпоху раннесоветских гонений на русскую старину. Умер Тихомиров в полнейшей нищете, всеми забытый, в разгар советских репрессий против краеведов [17].

1920-е гг. иногда называют «золотым десятилетием» в истории краеведения. Многие и спорят с этим определением. Да, краеведение превратилось в «массовое научно-культурное движение» [20, с. 16]. Появляются новые энтузиасты, возникают новые центры краеведения. Во многих губернских, уездных и волостных центрах возникали краеведческие и научно-просветительные общества, кружки, музеи. Так, в Переславле-Залесском огромную работу развернул в эти годы краевед, историк и этнограф Михаил Смирнов. В 1927 г. в СССР было зарегистрировано более 1 700 краеведческих организаций и учреждений. Многие из них имели свои печатные из-

дания или рукописные журналы. Число «организованных» краеведов составляло около 68 тысяч человек. Руководящим органом российских краеведов было Центральное бюро краеведения, сначала при Российской Академии наук, а затем при Главнауке Наркомпроса РСФСР. Важнейшим направлением деятельности краеведческих обществ и организаций стало выявление, собирание, учет и охрана памятников истории и культуры, исторических источников. При почти полном отсутствии средств, нередко рискуя жизнью и здоровьем, краеведы спасали от уничтожения шедевры, препятствовали варварскому разрушению памятников культуры. Но эпоха диктует и обращение к новым темам (революционное движение, экономико-политические сюжеты и др.). Часто краеведы по убеждению или вынужденно расставляют идеологические акценты в духе требований официоза.

По крайней мере, мы можем сказать, что именно в этот период развивалась и рефлексия относительно терминологии, предмета и метода краеведа. И. М. Гревсом был сформулирован новый метод краеведения – «локальный», предполагавший всестороннее исследование регионов с обязательным введением исторических источников в научный оборот. Возникает идея изучения *областных культурных гнезд* как целостных самобытных образований (Н. К. Пиксанов). Новые подходы к региональной истории предьявляет Н. П. Анциферов, основоположник мифокритического направления в русском краеведении. Историческое краеведение 1920-х гг. было тесно связано с научными историческими школами и академическими учреждениями страны. В провинции краеведческие организации нередко заменяли собой и научно-исследовательские, и образовательные, и культурные учреждения, превратившись в «академии наук на местах».

В новой исторической ситуации после 1917 г. краеведение стало фактором консервации истории, которую отвергал утопический советский проект светлого будущего. Властям внушали опасения и демократические принципы, лежащие в основе краеведческого движения. Тоталитарная идеология и новоимперский стиль власти не совпадали с характерным для краеведения акцентом на самобытность отдельных регионов, на интерес к конкретному качеству реального факта, личности, вещи. Это создало предпосылки для идеологического неприятия краеведения советским официозом. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на краеведческое движение обрушились репрес-

сии, оборвавшие непрерывное развитие традиции краеведения, основывавшейся на свободной общественной инициативе. Историко-культурное краеведение было объявлено «гробокопательским» и ликвидировано; были закрыты краеведческие общества, произведена «чистка» музеев и научных учреждений от неугодных сотрудников. Многие местные историки погибли.

Учрежденное на руинах официальное советское краеведение отличалось сугубой узостью предмета, зашоренностью, идеологической предвзятостью. В последующие десятилетия оно стало забавой «пионеров и пенсионеров», было поставлено под жесткий контроль. С одной стороны, краевед лишается возможности предложить собственную интерпретацию культурного явления в свете личных убеждений и взглядов – и зачастую, сознательно или бессознательно, даже не пытается привнести в сообщение о факте его осмысление. С другой стороны, обнаруживается тенденция к идеологическому мифотворчеству, примитивной идеологизации факта в соответствии с официальными требованиями к его «марксистской» интерпретации практическому употреблению. В духе официальной догмы А. С. Барков писал, что краеведение есть комплекс научных дисциплин, «ведущих в своей совокупности к научному и всестороннему познанию края в интересах социалистического строительства» [1, с. 80]. Лишь в некоторых музеях и архивах одиночки продолжали независимые краеведческие труды.

Между тем, задачи привнесения в местную историю смысла и полноценного раскрытия человеческого в ней присутствия далеко не устарели и продолжают стоять на повестке дня в современных краеведческих трудах. Новый подъем краеведения начинается только в 1980-е гг. Во многом он был связан с теоретической и организаторской работой С. О. Шмидта и с постепенным усвоением уроков Гревса, Анциферова и других теоретиков краеведения.

В 1987 г. в Полтаве была созвана всесоюзная конференция по историческому краеведению, а в 1990 г. в Челябинске состоялась учредительная конференция Союза краеведов России. В длинном ряду краеведов новейшего времени – А. Н. Акиншин, В. Ф. Козлов, В. Н. Козляков, Р. М. Лазарчук, О. Г. Ласунский, А. Я. Разумов, В. Г. Рыженко, А. А. Севастьянова и др.

Для этого времени характерны дискуссии, свободный поиск темы и метода. Было проведено несколько крупных конференций, происходи-

ло регулярное общение крупнейших краеведов России, проводятся конференции и чтения, возникают местные общества краеведов. Возникают краеведческие журналы («Белый пароход» в Архангельске, «Неизвестная Камчатка» и др.), издательства (напр., издательство А. М. Рутмана в Ярославле, издательство «Медиарост» в Рыбинске), выходят краеведческие энциклопедии и словари. Возникали хорошие краеведческие интернет-ресурсы (сетевые альманахи Ю. Самохина «Вопросы краеведения» – kraevedenie.chat.ru; сайт Б. Андюсева – andjusev.narod.ru и др.). Среди десятков историко-краеведческих конференций и форумов, объединяющих усилия профессионалов и краеведов-любителей в изучении «прошлой умственной жизни областных культурных гнезд», научно-практической разработке регионального культуроведения, М. П. Мохначева выделяла «Анциферовские чтения» (Санкт-Петербург), «Чтения памяти академика Д. С. Лихачева» (Ярославль). Появляются исследования по истории краеведения. Бурное развитие местной истории в самых разных направлениях предъявило разные подходы – и весьма консервативные, и явно устаревшие, лишь слегка варьирующие подходы к истории советского времени, и новые.

Развивается школьное и вузовское краеведение. Кафедры краеведения и музейного дела открыты в Российском государственном гуманитарном университете, Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и других вузах.

Среди центров активной краеведческой работы – и крупные города, и небольшие центры вроде Мышкина, где В. А. Гречухин создал культурное гнездо с большим историко-культурным компонентом. Ему и его ученикам принадлежат интересные исследования местного края. В ситуации культурного плюрализма с кризисными акцентами, драматического исчерпания имперского миссионерства в региональной культурной памяти угличско-мышкинского края Владимир Гречухин, Сергей Темняткин, Татьяна Третьякова, авторы журнала «Угличе поле» ищут дополнительное средство культурно-исторической самоидентификации.

Библиографический список

1. Барков, А. С. Вопросы методики и истории географии [Текст] / А. С. Барков. – М., 1961.

2. Бердинских, В. А. Русская провинциальная историография второй половины XIX века [Текст] / В. А. Бердинских. – М. ; Киров, 1995.

3. Ермолин, Е. А. Константин Дмитриевич Ушинский [Текст] / Е. А. Ермолин. – Ярославль: ИД «Ярослав Мудрый», 2014.

4. Ермолин, Е. А. Л. Н. Трефолев и традиции ярославского краеведения [Текст] / Е. А. Ермолин // Л. Н. Трефолев : материалы трефолевских чтений. – Ярославль: Ремдер, 2004. – С. 16–19.

5. Козляков, Вячеслав. Провинциальный «мир»: очерки истории и культуры [Текст] / В. Н. Козляков. – Рязань, 2002.

6. Лествицын, В. И. О волжском городе Руси [Текст] / В. И. Лествицын. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1887.

7. Лихачев, Д. С. Любить родной край, Отечество [Текст] / Д. С. Лихачев. – Краеведческий альманах. Вып. 1. – М., 1990.

8. Львов, П. Ю. Великий князь Ярослав I. На берегах Волги: Повествование о построении города Ярославля, взятое из истории / соч. Павла Львова, члена Император. Рос. акад. и Беседы любителей рус. слова. В пользу сирот, воспитывающихся в Яросл. доме призрения ближнего [Текст] / П. Ю. Львов. – М.: Университет. тип., 1820.

9. Макарихин, В. П. Губернские ученые архивные комиссии России [Текст] / В. П. Макарихин. – Нижний Новгород, 1991.

10. Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда [Текст] / Н. К. Пиксанов. – М.; Л., 1928.

11. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. в 17 тт. – Т. 9, кн. 1 [Текст] / А. С. Пушкин. – Л., 1938.

12. Сборник в память А. С. Гацисского [Текст] / А. С. Гацисский. – Н. Новгород, 1897.

13. Севастьянова, А. А. Русская провинциальная историография XVIII века [Текст] / А. А. Севастьянова. – М., 1998.

14. Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым [Текст] / А. А. Артынов. – Буй: Турь, 2000.

15. Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым [Текст] / А. А. Артынов. – Буй: Турь, 2000.

16. Смирнов, Я. Е. Андрей Александрович Титов [Текст] / Я. Е. Смирнов. – М., 2001.

17. Смирнов, Я. Е. «Ярославский старожил» [Текст] / Я. Е. Смирнов. – Тихомиров И. А. Граждане Ярославля. Из записок ярославского старожила. – Ярославль, 1998.

18. Филимонов, С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929) [Текст] / С. Б. Филимонов. – М., 1989.

19. Шмидт, С. О. Археография, архивоведение, памятниковедение [Текст] / С. О. Шмидт. – М., 1997.

20. Шмидт, С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения [Текст] / С. О. Шмидт. – Отечество. Краеведческий альманах, вып. 1. – М., 1990.

21. Щапов, А. П. Великорусские области и Смутное время [Текст] / А. П. Щапов. – Отечественные записки. – 1861. – Т. 136.

Bibliograficheskiy spisok

1. Barkov, A. S. Voprosy metodiki i istorii geografii [Tekst] / A. S. Barkov. – M., 1961.

2. Berdinskih, V. A. Russkaja provincial'naja istoriografija vtoroj poloviny XIX veka [Tekst] / V. A. Berdinskih. – M. ; Kirov, 1995.

3. Ermolin, E. A. Konstantin Dmitrievich Ushinskij [Tekst] / E. A. Ermolin. – Jaroslavl': ID «Jaroslav Mudryj», 2014.

4. Ermolin, E. A. L. N. Trefolev i tradicii jaroslavskogo kraevedenija [Tekst] / E. A. Ermolin // L. N. Trefolev : materialy trefolevskih chtenij. – Jaroslavl': Remder, 2004. – S. 16–19.

5. Kozljakov, Vjacheslav. Provincial'nyj «mir»: ocherki istorii i kul'tury [Tekst] / V. N. Kozljakov. – Rjazan', 2002.

6. Lestvicyn, V. I. O volzhskom gorode Rusi [Tekst] / V. I. Lestvicyn. – Jaroslavl': Tipografija Gubernskogo Pravlenija, 1887.

7. Lihachev, D. S. Ljubit' rodnoj kraj, Otechestvo [Tekst] / D. S. Lihachev. – Kraevedcheskiy al'manah. Vyp. 1. – M., 1990.

8. L'vov, P. Ju. Velikij knjaz' Jaroslav I. Na bregah Volgi: Povestvovanie o postroenii goroda Jaroslavlja, vzjatoe iz istorii / soch. Pavla L'vova, chlena Imperator. Ros. akad. i Besedy ljubitelej rus. slova. V pol'zu sirot, vospityvajushhihsja v Jarosl. dome prizrenija blizhnego [Tekst] / P. Ju. L'vov. – M.: Universitet. tip., 1820.

9. Makarihin, V. P. Gubernskie uchenye arhivnye komissii Rossii [Tekst] / V. P. Makarihin. – Nizhnij Novgorod, 1991.

10. Piksano, N. K. Oblastnye kul'turnye gnezda [Tekst] / N. K. Piksano. – M.; L., 1928.

11. Pushkin, A. S. Poln. sobr. soch. v 17 tt. – Т. 9, кн. 1 [Текст] / А. С. Пушкин. – Л., 1938.

12. Sbornik v pamjat' A. S. Gacisskogo [Tekst] / A. S. Gacisskiy. – N. Novgorod, 1897.

13. Sevast'janova, A. A. Russkaja provincial'naja istoriografija XVIII veka [Tekst] / A. A. Sevast'janova. – M., 1998.

14. Skazanija Velikogo Novgoroda, zapisannye Aleksandrom Artynovym [Tekst] / A. A. Artynov. – Buj: Tur#, 2000.

15. Skazanija Rostova Velikogo, zapisannye Aleksandrom Artynovym [Tekst] / A. A. Artynov. – Buj: Tur#, 2000.

16. Smirnov, Ja. E. Andrej Aleksandrovich Titov [Tekst] / Ja. E. Smirnov. – M., 2001.

17. Smirnov, Ja. E. «Jaroslavskij starozhil» [Tekst] / Ja. E. Smirnov. – Tihomirov I. A. Grazhdane Jaroslavlja. Iz zapisok jaroslavskogo starozhila. – Jaroslavl', 1998.

18. Filimonov, S. B. Kraevedenie i dokumental'nye pamjatniki (1917–1929) [Tekst] / S. B. Filimonov. – M., 1989.

19. Shmidt, S. O. Arheografija, arhivovovedenie, pamjatnikovedenie [Tekst] / S. O. Shmidt. – M., 1997.

20. Shmidt, S. O. «Zolotoe desjatiletie» sovetskogo kraevedenija [Tekst] / S. O. Shmidt. – Otechestvo. Kraevedcheskij al'manah, vyp. 1. – M., 1990.

21. Shhapov, A. P. Velikorusskie oblasti i Smutnoe vremja [Tekst] / A. P. Shhapov. – Otechestvennye zapiski. – 1861. – T. 136.